

Михаил Григорьевич Казовский

Чудо на переносице

В сборник вошли рассказы:

Песняры

Моя прекрасная леди

Марианна

Переписка

Разбег

Поворот

Форс-мажор

Чудо на переносице

Механическая сваха

Как мне покупали штаны

Орешки в сахаре

Гастрольные страсти

Звезда экрана

Только две, только две зимы

Киноафиша месяца

Еще раз про любовь

Отель «У Подвыпившего Криминалиста»

Пальпация доктора Коробкова

И за руку — цап!

Злоумышленник

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА
МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1980

МИХ. КАЗОВСКИЙ КАК ТИПИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

(из ненаписанного школьного сочинения)

Мих. Казовский родился выюжным февралем 1953 года в простой семье простых служащих. Его отец, «добрый малый, но педант» (А. С. Пушкин), с самого детства вскармливал мальчика классической русской и зарубежной литературой: Гоголь и Чехов, Шолом-Алейхем и Джером К. Джером не сходили с их письменного стола. Одновременно мать Мих. Казовского, «русская душою, сама не зная почему, с ее холодною красою любила русскую зиму» (опять А.С. Пушкин), а также все остальные времена года, и пыталась привить эти чувства своему единственному наследнику. Так он и рос.

Рано затрепетал в Мих. Казовском дух свободолюбия и свободомыслия. Будучи школьником, он уже, «мятежный, просит бури» (М. Ю. Лермонтов), и поэтому со всей решительностью порывает с рутинной полной среднего образования, предварительно получив аттестат зрелости. Точно так же поступает Мих. Казовский и с Московским университетом: он уходит с факультета журналистики сразу по получении диплома.

Немало больших и хоженных дорог открылось тогда перед мысленным взором пытливого юноши. Но Мих. Казовский выбрал свою, узкую и тернистую тропку сотрудника журнала «Крокодил». По которой и продирается вот уже пятый год...

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Рассказы

ПЕСНЯРЫ

РАССКАЗЫ

— Алло! Кто говорит? Антипов? Вот ты-то мне и нужен. Почему у тебя на объекте посторонний шум? Работать невозможно! Что говоришь? Не шум это, а песня? Та-ак... Еще утро, понимаешь, а у тебя уже песни поют!.. Я тебя, Антипов, за моральное разложение коллектива прогрессивки лишу!.. Что говоришь? Студенты помогать приехали? Как, уже? Мы ведь их позже ждали... Не приготовили ничего... А? В палатках устроились? Романтики? Энтузиасты?.. Мать честная, этого только не хватало!.. И много их? Целый отряд? И все под гитару поют? Ах, ты, господи!.. Слушай, Антипов, дай им работу. Пусть яму копают. «Какую, какую»! Большую яму, глубокую, чтоб на весь ихний срок хватило. После бульдозером засыпем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

* * *

— Алло! Антипов? Ты случаем в детстве не уроненный? Я тебе русским языком сказал: уйми этот молодняк! У меня от песен уже голова лопается! Почему они яму не копают? Выкопали уже? Пусть глубже копают. Нельзя глубже? Уже целый котлован? Та-ак... Тогда, Антипов, пусть они в нем фундамент закладывают. «Какой, какой»! Основательный фундамент, прочный. Чтоб подольше работали, После бетон в производственные потери впишем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

* * *

— Черт знает что, Антипов! Дадут мне твои сопляки сегодня работать или нет?! Что говоришь? Фундамент уже заложили? Ну, я не знаю, Антипов, делай с ними что хочешь! Но у меня в конторе должно быть тихо!.. А? Кирпич потребуется? Ладно, бери кирпич, после из твоей зарплаты вычтем... Ну, есть. Ну, давай. Хоп!

* * *

— Слушаю... Да, я... Ах, это ты, Антипов? Как там твои песняры? Что?.. Отделочные

работы заканчивают? Какие отделочные работы? Какой Дворец культуры? Мы ж его только в сентябре должны закладывать! Нам же по плану на него полтора года отпущено!.. Слушай, Антипов, выходит, я рапортовать могу о досрочной сдаче? Выходит, нам премия теперь полагается?.. Антипов! Голубчик ты мой! Передовик замечательный! Ударник! Правофланговый! На Доску почета тебя повешу! В газете портрет напечатаю! Чего хочешь проси — сделаю!.. Что? Студентам разрешить песню спеть?.. Ну, ладно уж, пускай исполняют. Только негромко. Не люблю я лишнего шума в рабочее время, Антипов!..

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЛЕДИ

Весна. Солнце. Зяблики. Я сижу на балконе и, замурив глаза, вдыхаю утренний кислород. Я сижу, вдыхаю и чувствую, как моему сердцу хочется ласковой песни. И, разумеется, хорошей, большой любви. Моему сердцу так хочется этой самой любви, что я даже сжимаю кулаки от нетерпения.

Я знаю, какой она будет. Она будет длинноногой и голубоглазой. У нее будут удивительны© ресницы. Длинные и пушистые. Ресницы-веера. Ресницы-опахала. Она будет взмахивать ими, как крыльями. Она будет пикировать на своих ресницах, как бомбардировщик, чтобы разбомбить мое сердце.

Ей будет двадцать два года. Нет, двадцать. Нет, лучше всего— девятнадцать. Она будет юна и прекрасна. Ее голос будет высоким и чистым, как мелодия Сен-Санса в исполнении ансамбля скрипачей Большого театра. Она будет петь. Она будет петь и аккомпанировать себе на арфе. Она будет петь под арфу старинные романсы, и все кругом будут умирать от отчаянного восторга. А потом аплодировать и забрасывать ее с ног до головы алыми розами. Но она будет смотреть только на меня.

Она будет влюблена в меня пламенно и страстно. Она будет говорить мне: «Милый...» — и тереться щекой о мое плечо, как кошка. «Милый, — будет говорить она, — я никого не хочу видеть. Я стану играть на арфе только для тебя одного. Ты и я — мы вдвоем — разве это не счастье?»

— Счастье! — шепчу я. — Это настоящее счастье!

Я открываю глаза и вижу ее перед собой. Она стоит рядом, на балконе, длинноногая и голубоглазая. И вздрагивает ресницами, словно крыльями.

— Здравствуй, — говорит она голосом высоким и чистым, как мелодия Сен-Санса в исполнении ансамбля скрипачей Большого театра. — Милый...

— Здравствуй, — говорю я, вскакиваю, и едва не падаю через перила с балкона. — Ты кто?

— Я твой идеал, — отвечает она. — Ты хотел, чтобы я пришла, и вот я пришла. Ты доволен?

— Очень!.. Меня зовут Вася. А тебя?

— А меня — Изабелла.

— Правильно, — говорю я, — девушку из мечты должны звать Изабеллой...

И тут появляется моя жена с веником. У нее красное от кухни лицо и засаленный передник.

— Вася, — спрашивает она, — у нас что, гости?

— Да, — нервно тереблю я газету. — Это Изабелла — познакомься, Маша.

— Очень приятно, — говорит жена, хотя по голосу ее чувствуется, что ей совсем не приятно. — Вы Васина сослуживица?

— Нет, — говорит Изабелла. — Я — девушка его мечты.

— В каком смысле? — не понимает жена.

— Она шутит, — вмешиваюсь я. — Беллочка работает у нас в бухгалтерии... Она мимо по улице проходила — случайно, конечно, — а я ее заметил с балкона. И пригласил в гости, на чашку чая. Она сейчас выпьет чаю и уйдет...

— Милый, — говорит Изабелла, — зачем ты обманываешь эту бедную женщину?

Почему ты не хочешь сказать ей правду?

— Какую правду? — взвиваюсь я. — Какую еще правду? Ведь ничего не было! Маша, поверь, между нами ничего не было!

— Не ври, — говорит Маша и берет веник наперевес, как винтовку. — Она назвала тебя «милый»! Я слышала!

— Глупости, — продолжаю выкручиваться я. — Глупости! Я не знаю ее и знать не хочу! Это ошибка. Неужели ты можешь поверить, Маша, что я тебя когда-нибудь оставлю? Она сейчас уйдет. Правильно, Изабелла?

— Да, — говорит Изабелла грустно. — Я уйду. Навсегда... У тебя был единственный шанс в жизни, но ты его потерял...

Она спрыгивает с балкона, планирует на своих ресницах и гордой походкой идет по улице.

Маша садится на стул и плачет. Мне становится ее жалко, и я глажу ее по голове. Ведь еще неизвестно, умеет ли Изабелла так вкусно готовить борщ и так крепко пришивать пуговицы, как моя жена!..

МАРИАННА

Когда все собрались в кабинете директора, Геннадий Венедиктович сказал:

— Товарищи! Сегодня нам надо обсудить вопрос большой важности. Всем, разумеется, известно, что мы разработали технологию производства нового, высокопахучего мыла. Оно явится славным подарком нашему замечательному потребителю. Мы также придумали современное и, я бы даже сказал, броское наименование этого мыла — «Марианна». На обертке задумано поместить цветной фотоснимок женской головы, чтобы подняться в оформлении до лучших мировых образцов. Теперь остается одно: решить, чей же портрет мы можем для этой цели использовать?

Все задумались.

— Я предлагаю, — оказал Рейтузников, — сфотографировать популярную артистку театра и кино Марианну Вертинскую. Это создаст нашей продукции хорошую, здоровую рекламу и увеличит спрос.

— Правильно, правильно, — отозвалась Самсонова. — И имя как раз соответствует. Я — за!

— Все это так, — кашлянул Каруселин. — Но стоит ли на обертке нашего мыла помещать артистку, хотя и популярную? Неужто мы сами никого не найдем в собственном коллективе?

— Но у нас на фабрике не работает ни одна Марианна, — пожал плечами Рейтузников. — Мы справлялись в отделе кадров.

— Это не столь важно, — возразил Геннадий Венедиктович. — Я тоже считаю, что кандидатуру можно найти и среди нас. Какие будут соображения, товарищи?

— Давайте тогда изобразим Валью Ветлугину из второго цеха, — сказал Рейтузников. — Она очень красивая, на нее все мужчины заглядываются.

— А каковы ее производственные показатели? — спросил Каруселин.

— Не знаю. А при чем здесь это?

— Как это при чем?! Мы не можем печатать миллионными тиражами портрет отстающей работницы. Это же выйдет скандал!

— Показатели у Ветлугиной хорошие, — сказала Самсонова. — Но могли бы быть еще лучше.

— Вот видите! — обрадовался Каруселин. — Я же говорил! А ваша позиция, товарищ Рейтузников, мне вообще кажется подозрительной: то артистку предлагаете, то спрашиваете, «при чем здесь показатели?». Чего вы добиваетесь? Компрометации фабрики?

— Но позвольте! — взорвался Рейтузников, — Мы ведь сейчас обсуждаем не кандидатуру для Доски почета! Если уж на то пошло, я скажу, что потребителю глубоко безразлично, изображена на его покупке передовая работница или нет. Все равно он обертку выбросит.

— Выбросит?! — так и подпрыгнул Каруселин. — Вы слышали, что он оказал?! Я предлагаю обсудить поведение Рейтузникова на специальном заседании.

— Подождите, товарищи, — вмешался Геннадий Венедиктович. — Сейчас не об этом речь.

— Вот именно, — кивнула Самсонова. — Поэтому я предлагаю поместить на мыле портрет нашего уважаемого директора, Геннадия Венедиктовича.

Все сразу замолчали.

— Он по всем статьям подходит, — продолжала Самсонова, — общественник, передовой человек, имеет жену с двумя детьми. Лучшей кандидатуры нам не придумать!

— Но ведь директор — мужчина, — тихо сказал Рейтузников.

— Ну и что? — спросила Самсонова.

— А мыло называется «Марианна». Все задумались.

— А давайте назовем мыло «Геннадий Венедиктович»? — предложил Каруселин. — Поместим красочный снимок: директор в рабочем кабинете, за столом, на фоне графика роста фабрики. И на обратной стороне обертки напечатаем его автобиографию. По-моему, очень дельное предложение.

Геннадий Венедиктович встал и, потупив глаза, ответил:

— Спасибо, товарищи. Я всегда знал, что в трудную минуту на вас можно опереться. Своим дальнейшим трудом я постараюсь оправдать ту высокую честь, которую вы мне оказали!

Все дружно зааплодировали...

Однако министерство посчитало заявку фабрики несколько нескромной и переименовало «Геннадия Венедиктовича» просто в «Гену» — с изображением одноименного крокодила на красочной обертке.

ПЕРЕПИСКА

*Цезарю Каю Юлию
Брута Марко. Юния*

Заявление

Убедительно прошу Вас снизить и разобраться.

Дело в том, что моя семья вот уже девять лет вынуждена проживать в проходной

комнате. Как известно, я занимаю большой пост, устаю на службе, но не имею возможности отдохнуть дома. Это же относится к моей жене (она работает в Римском управлении искусств) и к моей взрослой дочери, которая готовится к поступлению в Школу будущих матрон.

Прошу поспособствовать в предоставлении мне отдельной квартиры.

Брут М. Ю.

* * *

Бруту М. Ю. из канцелярии Цезаря К. Ю.

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление поступило в Отдел жалоб за № 185694. При запросах ссылаться на него.

* * *

В Отдел жалоб канцелярии Цезаря К. Ю.

Брута М. Ю.

Запрос

Прошел уже год с того времени, как к вам поступило мое заявление за № 186694, но до сих пор я не получил ответа.

Прошу разобраться.

* * *

Бруту М.Ю.

из Отдела жалоб канцелярии Цезаря К.Ю.

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление за № 185694 поступило в Римское объединение по жилищным вопросам.

* * *

В Римское объединение по жилищным вопросам

Брута М. Ю.

Запрос

Три месяца тому назад к вам поступило мое заявление за № 185694. Почему до сих пор нет решения?

* * *

Бруту М. Ю.

из Римского объединения по жилищным вопросам

Настоящим уведомляем, что Ваше заявление за № 185694 будет рассматриваться на заседании местного консульства.

* * *

Местному консульству Брута М. Ю.

Запрос

Мое заявление за № 185694 вот уже полгода находится у вас без движения. Убедительно прошу разобраться.

* * *

Бруту М. Ю. от местного консульства

Ваше заявление за № 185694 было рассмотрено нами на очередном заседании. Вынуждены сообщить, что для проводки вне очереди в вашем доме водопровода, сработанного рабами Рима, вы не имеете никаких оснований.

* * *

Говорят, когда умирающий Цезарь воскликнул: «И ты, Брут?!», Марк Юний Брут, вытирая окровавленный кинжал, ответил:

— Я слишком долго ждал, Юлик...

Таковы были их нравы.

РАЗБЕГ

Я проснулся и вспомнил, что меня назначили начальником. Парамонов ушел на пенсию, а меня назначили. Я ждал этого утра целых двенадцать лет. Даже больше. Целую жизнь! Я ждал и наконец дождался. Какое счастье! Какое удивительное настроение! Я красив, умен и молод. Я жажду деятельности. Я чувствую себя Ломоносовым накануне закладки университета!..

Парамонова давно нужно было уволить. Это старое трухлявое бревно с ушами. Он не понимал веяний времени. Он жил позавчерашним днем. Парамонов работал только для себя. Он видел не дальше ветрового стекла своего служебного автомобиля.

Нет-нет, теперь я всё поломаю. Всё. Решительно всё! Служебный автомобиль отныне

будет использоваться только в служебных целях. А то: «Где машина? Где водитель? Надо в министерство срочно везти пакет!» — а шофер повез Парамонова на дачу. Безобразие!.. Часы приема отменю вовсе. Никаких часов приема. Каждый пусть входит, когда ему нужно. Я встану из-за стола, пожму руку, предложу сесть... Вот так, в непринужденной, демократичной обстановке станем решать все вопросы. Легко, весело, быстро!.. Секретарша заварит кофе... Кстати, секретаршу надо сменить. Сразу же. Обязательно! Леокадию Самсоновну отправлю в производственный отдел. Там и зарплата выше — ей перед пенсией хорошо. А на ее место возьму Женечку из отдела кадров. Не девушка — прелесть. Глаза, губы, коленки — все на месте. Я где-то читал, что секретарша — лицо начальника. Пусть моим лицом будет Женечка!

Что еще? Лапсердуева уволю. Бездарь. Лентяй. Стопроцентная профнепригодность. А Викентию Викентьевичу Бэээ надо немедленно дать квартиру. Дельный работник, умница, а живет в коммуналке. Талантливых людей надо ценить! И вообще все теперь у нас пойдет по-новому. Потому что я не Парамонов. И точка!

В это время зазвонил телефон.

— Товарищ Кукушкин? — сказал шофер. — Доброе утро. Автомобиль у подъезда.

— У какого подъезда? — спросил я.

— У вашего. На работу пора ехать.

— Глупости. Я и на троллейбусе доберусь.

— В троллейбусе давка, — напомнил шофер. — Смертоубийство. Да и времени в обрез. Не успеете городским транспортом.

Я посмотрел на часы. Шофер был прав.

— Ну, хорошо, — с досадой ответил я. — В первый и последний раз. Слышите?

На сердце стало противно. Плохо начинается. Плохо! По-парамоновски.

На работе, пока шел к своему кабинету, все сотрудники улыбались и здоровались подчеркнуто вежливо. Никогда не думал, что у нас такое количество подхалимов. Ну, от Лапсердуева я иного не ожидал, а другие зачем? Неужели они думают, что я стану клеветать на эту древнюю удочку, как старик Парамонов?

Сел за стол, вызвал звонком секретаршу.

— Леокадия Самсоновна, — сказал я. — Как вы посмотрите на то, что я намерен перевести вас в производственный отдел?

Заплакала. На нее было грустно смотреть. Пожилая, некрасивая женщина с трудной судьбой...

— Но ведь там и зарплата выше, — заметил я.

— Это неважно, — плакала секретарша. — Я уже здесь привыкла... Мне трудно будет переключиться... У меня сердце...

Черт возьми, а ведь действительно станет ей дурно, а я виноват. В конце концов через год она должна выйти на пенсию, потерплю как-нибудь.

— Ну, хорошо, — вздохнул я. — Не волнуйтесь. Работайте, как работали...

Леокадия Самсоновна залепетала слова благодарности.

— И пожалуйста, вызовите ко мне Бэээ. Пора помочь человеку и предоставить ему отдельную квартиру, — добавил я.

Секретарша вытерла слезы.

— К вам Лапсердуев просится, — сообщила она. — Сказать, что вы заняты?

— Нет, пусть войдет. Он мне как раз нужен.

Какой все-таки противный этот Лапсердуев! Волосы жидкие, глаза бегают, рубашка несвежая... Что это он мне протягивает? Господи, Византия, десятый век! Разнюхал, подлец, что нумизматика — моя слабость...

— Вы знаете, — заизвинялся Лапсердуев, — совершенно случайно обнаружил в шкапулке моей бабушки... Хотел выбросить... Но потом вспомнил, что вы коллекционируете... Может быть, пригодится?

— Л-любопытно... — плохо скрывая волнение, ответил я. — Удивительно ценные

монеты... Сколько вы хотите за них?

— Ну, что вы! Какие пустяки! Верите даром.

— Нет-нет, я не вправе!.. Это будет похоже на взятку. Лапсердудев вытаращил глаза:

— Помилуй бог! Я же от чистого сердца. Клянусь вам!

Нет, что-то в нем все-таки есть, в этом Лапсердудеве. Какой-то скрытый шарм... Лентяй, конечно, порядочный, но, в сущности, все мы не без недостатков...

— Ну, хорошо, — сказал я. — Сделаем так: вы пока монеты оставьте, а я приценюсь у специалистов и возьму деньги...

Лапсердудев закланялся.

— У вас ко мне все?

— Да, собственно, все, — кивнул он. — Побегу на рабочее место...

— Как работается?

— Вы знаете, прекрасно. Такой, я бы сказал, энтузиазм, что ли... Под вашим чутким руководством... Все мы устали от этого бюрократа Парамонова. А теперь — прилив сил!.. Одно только смущает: Бэээ...

— А что такое? — насторожился я.

— Да нет, точно мне не известно, фактами не располагаю... Но поговаривают, что у него с Женечкой из отдела кадров... как бы вам сказать?... служебный роман...

Вот так новость! Кто бы мог подумать!

— Да ведь у Викентия Викентьевича — семья!

— В том-то и дело!..

— Скверно, скверно... А я ему хотел: помочь, отдельную квартиру предоставить....

— Да, нехорошо, — согласился Лапсердудев. — Это могло бы быть неправильно понято в коллективе... Тем более что у нас есть и более достойные кандидатуры... — он выразительно посмотрел на меня.

— Ладно, я подумаю. Можете идти...

А Женечка, Женечка какова! И что она нашла в этом заморыше?

— Леокадия Самсоновна, — сказал я по селектору. — Бэээ прошу ко мне не вызывать.

— А товарищ Бэээ уже ждет в приемной, — ответила секретарша.

— Мне сейчас некогда. Скажите, пусть приходит в часы приема. И распорядитесь, пожалуйста, чтобы шофер к часу ждал меня у парадного. Я поеду домой обедать...

Ну и работка! Сплошные нервы! И как это Парамонов справлялся? Надо будет съездить к нему, попросить поделиться опытом...

ПОВОРОТ

Выхожу из дома. Улыбаюсь. Супруга и дочка на балконе стоят, смотрят. Машу им рукой. Весь из себя — праздничный и лучистый, как на рекламном фото. Достая ключ, играю брелоком, отпираю дверцу «Жигулей». Сажусь, завожу мотор. Снимаю ручной тормоз. Осторожненько жму на «газ». Поехали! Впервые на работу — на собственном автомобиле. Хорошо!

Еду. Красный свет. Останавливаюсь. Зеленый свет. Двигаю. Прекрасно!

Теперь надо свернуть направо. А для этого — перестроиться в правый ряд. Перестроиться не могу: мешают другие автомобили. Ну, ничего. Сверну в другом месте.

Еду. Машина идет отлично. Включил приемник. Слушаю. Заслушался. Снова пропустил поворот. Ну, нестрашно. Сверну где-нибудь. Вот здесь хотя бы... Э, черт! Строительные работы. И «кирпич» висит. Ладно, поехали дальше.

Еду. Открыл окно. Легкий ветерок. Замерз. Закрыв окно. Город кончился, деревня пошла. Коровки, лошадки. Сворачивать негде.

Еду. Другая деревня. Еще красивее прежней. Словно игрушечная. Сейчас спросим, как называется. Вон колхозник идет.

— Эй, товарищ! — говорю. — Это что за местность?

— Нихт ферштейн, — отвечает.

— В каком смысле? — спрашиваю. — Шпрехен зи дойч, что ли?

— Дойч, дойч, — кивает.

Ой, мамочки! Куда ж это меня занесло? Что на работе подумают? Дома?!

Но делать нечего, еду. День, ночь. Ночь, день. Лето, зима. Весна, осень. Пальмы пошли, бананы. Люди голые, коричневые. На слонах ездят. Птицы разноцветные порхают. Обезьяны визжат. А сворачивать все равно негде.

Вон и тайга пошла. Уже что-то знакомое. Город потянулся. Мой город! Только с другого конца... А вон и учреждение мое. Слава богу, доехал!

Вылезаю. Глаз поднять не могу. Мысленно объяснительную записку сочиняю. «В связи с приобретением автомобиля и невозможностью совершить правый поворот отсутствовал с такого-то числа такого-то месяца такого-то года...»

Вдруг слышу:

— Эй, Сидоров! Ты чего там канителишься? Иди скорей, премии выдают!

Побежал. Встал в очередь. Неужели никто ничего не заметил? Неужели выдадут? Выдали. Пересчитал. Удивился: чего так мало-то? Пошел, поскандалил. Извинились. В следующий раз обещали выписать больше. Успокоился.

Вышел, сел в автомобиль, домой поехал. Только бы опять поворот не пропустить!.

ФОРС-МАЖОР

студенческая байка

Студент Захаров усиленно готовился к экзамену по литературе. Ему оставалось еще прочитать восемь томов собраний сочинений каких-то малоизвестных классиков, но Захаров не унывал. Он надеялся на свою способность по первому абзацу хватать идейную и художественную сущность всего произведения.

Вгрызаясь в очередной шедевр, Захаров неожиданно споткнулся о такую фразу: «О, пресвятая Дева, — воскликнул граф, — этот форс-мажор мне не по зубам!»

— Что такое «форс-мажор»? — сам себя спросил Захаров и полез в примечания. Но там это выражение не объяснялось.

Тогда он пошел к старосте группы Вике Тараскиной. Вика сидела перед зеркалом, делала начёс и штудировала Аристотеля.

— Вичка, — сказал Захаров, — что такое «форс-мажор»? Тараскина скривила губы:

— Ну, это элементарно! Форс-мажор — все равно, что капельмейстер. Он еще машет

палкой с лошадиным хвостом!

Захаров поблагодарил и ушел, а Вика подумала: «Нет, я ошиблась. Тот, который с хвостом, называется совсем по-другому — «тамбурмажор»...» И она побежала к Малайскому, который был круглым отличником. Малайский посмотрел на старосту группы обалделыми от дополнительной литературы глазами.

— Что такое «форс-мажор»? — задала вопрос Вика,

— Это управляющий в аристократических имениях, — не задумываясь, ответил отличник. — Подобные вещи, Тараскина, изучают в рамках начальной школы!

Тараскина хмыкнула и ушла, а Малайский подумал: «Нет, я ошибся! Тот, который управляющий, называется «мажордом»...» И он побежал на консультацию, которую проводил доцент Ананасов.

Ананасов любил проводить консультации и экзамены, потому что к ним не надо было готовиться. Он привычно отвечал на вопросы, как вдруг Малайский поднял руку и спросил:

— Скажите, «форс-мажор» — это кто? Ананасов нахмурился.

— Однако, Малайский, ваш вопрос наталкивает меня на нехорошие мысли, — сказал доцент. — Я всегда считал, что вы более эрудированы... Думается, товарищи, не стоит тратить время на подобную чепуху? Прекрасно. У кого другие вопросы?

На экзамене Ананасов сказал Захарову, который всё же успел прочесть восемь томов собраний сочинений малоизвестных классиков:

— Ну, голубчик, материал вы знаете неплохо... А теперь ответьте на дополнительный вопрос: «форс-мажор» — это кто?

Захаров улыбнулся:

— Это капельмейстер — с хвостом!

«Кто бы мог подумать», — смутился Ананасов и поставил студенту пятерку. А после экзамена доцент пошел в библиотеку, взял словарь и прочел:

ФОРС-МАЖОР. Чрезвычайные обстоятельства, которые не могут быть предусмотрены заранее.

Ананасов рассмеялся и, входя в кабинет ректора, сказал:

— Ну и форс-мажор у меня был сегодня на экзамене! Ректор посмотрел на него поверх очков и подумал: «Какой все-таки эрудит у нас Ананасов!»

ЧУДО НА ПЕРЕНОСИЦЕ

— Вениамин, — сказала Катенька (она всегда называла меня только полным именем), — Вениамин, — сказала она, — по большому знакомству я достала для вас импортные очки.

Я был тронут. У меня на глаза навернулись слезы. Мне всегда не хватало женской заботы, и теперь я нашел ее в лице Катеньки.

— Спасибо, — проговорил я с нежностью. — Только, знаете, мне очки не нужны. Как шутил один мой приятель, у меня зрение двести процентов: сто в одном глазу и сто в другом!..

— Это неважно, — ответила Катенька. — Главное, что такие очки имеются только у трех человек в Союзе: телевизионного комментатора, одного засекреченного изобретателя и теперь у вас. Разве это не говорит само за себя?

Очки действительно были великолепные: большие, с голубоватыми стеклами в блестящей металлической оправе — они напоминали красивую латиноамериканскую бабочку.

— Примерьте, — не унималась Катенька, — я прошу вас, примерьте!

Если такая очаровательная женщина, как Катенька, меня о чем-нибудь просит, я не могу долго сопротивляться. Латиноамериканская бабочка вспорхнула на мою переносицу.

Мир стал голубоватым и расплывчатым, словно отраженный в реке. Очертания Катеньки тоже размылись, и от этого она стала еще интереснее.

— Чудо, чудо! — захлопала в ладоши она. — Вас теперь не узнать, Вениамин! Теперь вы стали именно тем мужчиной, о котором я мечтала всю жизнь!

От прилива чувств и от слабой ориентации в пространстве я упал на колени. Катенька что-то мне протянула. Я дотронулся: это были ее прелестные пальчики.

— Дорогая! — прошептал я со страстью. — Милая! Будьте моей женой!

— Я согласна, Вениамин, — ответила она еле слышно, и я почувствовал на затылке ее горячие поцелуи.

Вскоре мы расписались. Поскольку в очках я не мог понять, что кругом происходит, Катенька повсюду водила меня за руку. «Осторожно, ступенька, — говорила она. — Сейчас — налево, потам — направо... Стой. Теперь говори «Да!» и надевай мне на палец обручальное кольцо. Осторожно! Ты едва не надел его на палец моей подруги!.. Вот теперь правильно... Идем к машине. Поехали...»

На свадьбе было много гостей, но все они представлялись мне странной голубоватой массой. Гости звенели рюмками, танцевали и выкрикивали «Горько!», а Катенька целовала меня, притянув к себе за лацканы пиджака.

Потом началась наша семейная жизнь. К очкам я еще не привык, и поэтому всем руководила моя маленькая женушка.

— Вениамин, — говорила она, — мы покупаем импортный гарнитур. Еле наскребла у родных и знакомых две с половиной тысячи...

— Но Катенька, — возражал я, — этот гарнитур мне совсем не нравится.

— Ты его плохо разглядел, — поясняла жена. — Поверь мне: это сказка Венского леса, и к тому же она имеется только у пятерых в Союзе...

— Вениамин! — говорила она в другой раз. — Мы покупаем автомобиль. Папа устроит вне очереди.

— Но Катенька! В городском транспорте безопаснее...

— Это пусть тебя не волнует. За рулем буду сидеть я. И вообще мне надоело твое недовольство по каждому поводу. Все тебе не нравится! Женился бы на другой, если так! — и она собиралась заплакать.

— Ну, хорошо, хорошо, — говорил я. — Успокойся. Мы сделаем все, как ты хочешь. В конце концов тебе же виднее...

Через год я освоился в очках настолько, что мог самостоятельно прогулять нашу собаку. Через два года я уже мыл без посторонней помощи автомобиль, а через три — научился готовить обеды, завтраки и ужины.

И вдруг случилось несчастье. Катенька резко затормозила машину, я покачнулся, латиноамериканская бабочка слетела с моего носа и разбилась вдребезги. Стало непривычно светло. Я огляделся. Рядом со мной, за рулем, сидела незнакомая крашеная блондинка с наглаватыми глазками.

— Кто вы? — спросил я.

— Перестань хамить, — сказала блондинка голосом Катеньки. — Если при распределении земельных участков нам достанется какой-нибудь завалищий, я от тебя уйду. Учти это, Вениамин!

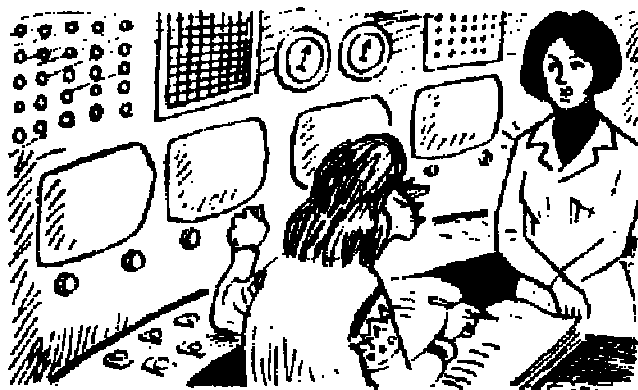
Потом я и она оказались в музее с полированными полами и дорогой мебелью.

— Где мы? — снова спросил я.

— Дома, дома! — разозлилась моя нервная спутница. — Нечего тарашить глаза, словно ты это видишь впервые!

Мне сделалось одиноко и грустно. Захотелось купить билет на поезд и уехать куда-нибудь далеко-далеко...

Но через день Катенька достала мне новые очки, еще красивее и сильнее прежних, и все опять стало в жизни на свое место.

МЕХАНИЧЕСКАЯ СВАХА

сценка

1990 год. Электронное бюро брачных знакомств. Мрамор, стекло, неоновый свет, чистота, кондиционированный воздух. Нежная музыка. За пультом сидит программистка ЭВМ в белом халате. Это рыжая крашеная особа с усталыми глазами.

ПРОГРАММИСТКА (*нервно*). Следующий!..

Короткая пауза. За дверью слышится сдержанный шум, но никто не входит.

ПРОГРАММИСТКА (*еще более раздражаясь*). Что там такое? Следующий!

Дверь слабо приоткрывается. В проеме видно взволнованное лицо Филистратовой.

ПРОГРАММИСТКА. Вы, что ли, следующая?

ФИЛИСТРАТОВА (*неуверенно*). К-кажется...

ПРОГРАММИСТКА. Ну, в чем тогда дело? Чего вы там труситесь? Решили найти мужа — входите, не решили — будьте здоровы! У меня рабочий день кончается!

ФИЛИСТРАТОВА. Видите ли, я... Это такой ответственный шаг в жизни...

ПРОГРАММИСТКА. Слушайте, давайте без лирики! Какие у вас там шаги — ответственные, безответственные, — нас не касается. Никаких нервов не хватит! Что за народ такой? А еще говорят: клиент всегда прав! Да какой, к черту, прав, если они сами не знают, чего хотят... Ну? Вы еще не вошли?

ФИЛИСТРАТОВА (*поспешно*). Уже вошла... Скажите, девушка, а он будет хороший?

ПРОГРАММИСТКА. Кто?

ФИЛИСТРАТОВА. Ну... мой будущий муж...

ПРОГРАММИСТКА. Гарантий никаких не даем. И вообще сейчас конец квартала, жених некондиционный пошел...

ФИЛИСТРАТОВА (*тревожно*). Какой пошел жених?

ПРОГРАММИСТКА. Выйдете замуж — узнаете.

ФИЛИСТРАТОВА. Нет, позвольте...

ПРОГРАММИСТКА. Не позволю. Давайте перфокарту заполнять. У меня рабочий день кончается... Фамилия? Имя? Отчество?

ФИЛИСТРАТОВА. Филистратова. Генриетта Ивановна.

ПРОГРАММИСТКА. Возраст?

ФИЛИСТРАТОВА. Тридцать четыре.

ПРОГРАММИСТКА. Это вам-то тридцать четыре?!

ФИЛИСТРАТОВА. Мне. А что?

ПРОГРАММИСТКА. Меньше пятидесяти вам бы не дала.

ФИЛИСТРАТОВА (*оскорбляясь*). И не давайте, я вас не прошу!

ПРОГРАММИСТКА. Но-но! Хамить будете у себя дома. А здесь официальное учреждение, между прочим! Ишь, нашла дурочку — тридцать четыре ей! Невеста!

ФИЛИСТРАТОВА. Может быть, продолжим заполнение перфокарты?

ПРОГРАММИСТКА. А вы мне не указывайте! Я сама знаю, что делать! Вопрос третий: пол?

ФИЛИСТРАТОВА. Чей?

ПРОГРАММИСТКА. Ваш.

ФИЛИСТРАТОВА. Но вы же сами видите, какой у меня пол!

ПРОГРАММИСТКА. Ничего я не вижу. Внешность бывает обманчивой...

ФИЛИСТРАТОВА. Пол — женский.

ПРОГРАММИСТКА. Семейное положение?

ФИЛИСТРАТОВА. Девушка! Как вы думаете, какое у меня может быть семейное положение, если я пришла в бюро брачных знакомств?!

ПРОГРАММИСТКА. А мне нечего думать, я на работе... Может, вы одну семью бросаете, а другую завести хотите?

ФИЛИСТРАТОВА. Я бы вас попросила...

ПРОГРАММИСТКА. Я бы вас тоже попросила!.. Какого мужа хотите?

ФИЛИСТРАТОВА. Что вы имеете в виду?

ПРОГРАММИСТКА. Ну, — толстый, худой, низкий, высокий, умный, недоразвитый...

ФИЛИСТРАТОВА (*мечтательно*). Мой муж... мой муж... он должен быть прекраснее всех!..

ПРОГРАММИСТКА. Поконкретнее, гражданка Ферапонтова.

ФИЛИСТРАТОВА. Филистратова.

ПРОГРАММИСТКА. Тем более!..

ФИЛИСТРАТОВА. Поконкретнее? Хорошо... Во-первых, эрудированный, начитанный. Во-вторых, добрый. В-третьих, мужественный. И вообще — веселый, обаятельный, скромный... Чтоб детей любил... Есть у вас такие мужья?

ПРОГРАММИСТКА. Таких нет.

ФИЛИСТРАТОВА. Как нет?!

ПРОГРАММИСТКА. Нет и все. Такие сами женятся, без наших бюро. У нас один неходовой жених остался, можно сказать, уцененный товар...

ФИЛИСТРАТОВА. Зачем же мне — уцененный?

ПРОГРАММИСТКА. Не нравится — не берите. Уговаривать не станем.

ФИЛИСТРАТОВА. А что же мне делать?

ПРОГРАММИСТКА. А что делать? Ждите. Перфокарту я на вас завела, на очередь поставила. Ваш номер — восемь тысяч пятьсот двадцать девятый. Заложим данные в ЭВМ, как что появится подходящее, вас известят повесткой.

ФИЛИСТРАТОВА. И долго ждать?

ПРОГРАММИСТКА. Да как получится. Может, год, а может — и три. У нас один старичок десять лет ждал, так холостой и помер...

ФИЛИСТРАТОВА. Какой ужас! Нет, я, пожалуй, откажусь от этой затеи... (*Всхлипывает*).

ПРОГРАММИСТКА. Как желаете. Рвать, что ли, перфокарту?

ФИЛИСТРАТОВА. Райте. (*Сморкается*). Будьте здоровы...

ПРОГРАММИСТКА. Одну секундочку!.. Спросить хочу.

ФИЛИСТРАТОВА. Да?

ПРОГРАММИСТКА. Вот заплакали вы... а тушь не потекла... Как это?

ФИЛИСТРАТОВА. Это японская тушь, специальная. (*Вздыхает*).

ПРОГРАММИСТКА (*с завистью*). Где достали?

ФИЛИСТРАТОВА. На работе. Я ведь врач в «Институте возвращения красоты»...

ПРОГРАММИСТКА. Да ну?! Что ж вы раньше-то... Господи! А я вас за рядовую посетительницу приняла... Сейчас мы вас в момент смендельсоним!.. Секундочку... Посмотрите на экран этого телевизора... Вот!

ФИЛИСТРАТОВА. Что это?

ПРОГРАММИСТКА. Это данные из памяти ЭВМ. Наши лучшие женихи. На любой

вкус. Для немногих избранных, так сказать... Вот — юноши-интеллектуалы... А это — бездетные разведенные... У всех отличные параметры, ярко выраженная индивидуальность...

ФИЛИСТРАТОВА. Нет, благодарю... Я раздумала. Прощайте! (*Уходит*).

ПРОГРАММИСТКА. Черт, такую клиентку упустила! Врач «Института возвращения красоты»! А на вид не скажешь... Голова раскалывается. И до конца рабочего дня еще целых полчаса! Нет, брошу я эту работу, вернусь в свой посудный магазин... Следующий!..

КАК МНЕ ПОКУПАЛИ ШТАНЫ

*Грузинским кинематографистам,
создателям короткометражных телефильмов.*

Когда я пришел домой после футбола и был грязный, как свинья дедушки Георгия, мама всплеснула руками и сказала:

— Вах!

Если моя мама говорит «Вах!», то это не значит ничего хорошего, и я тогда стал молча умываться, потому что иначе было бы **ещё** хуже.

— Вах! — сказала моя мама. — Датико, мальчик, на кого ты похож? Что скажут люди, когда увидят, как сын всеми уважаемого Вано Леванидзе ходит такой нечесаный, такой неумытый и в таких ужасных штанах, у которых на нехорошем месте написано слово «Техас»?

— Оставь его, Мария, — сказал папа, вынимая изо рта папиросу «Казбек». — Когда я был в его возрасте, мне тоже хотелось носить белые брюки, как в одном кино. Но наша семья была чересчур бедна, и я не мог себе этого позволить. Так пусть хоть Датико походит, в чем ему нравится.

— Зачем сравнивать? — передернула плечами мама. — Разве ты стал бы натирать свои белые брюки ванильными сухарями, чтобы штаны казались старыми? Если бы ты так сделал, Вано, я никогда бы не стала твоей женой, слышишь? Ведь не зря же старый Георгий сказал: пусть Вано Леванидзе и не такой умный, как я, но зато скромности его можно позавидовать.

— Разве он так сказал? — спросил папа, и шея у него покраснела. — Тогда пусть распрощается со своей свиньей, которую я пойду и зарежу сегодня ночью. Увидим, кто из нас самый умный!

— Какой пример ты подаешь своему сыну? — сказала мама. — Лучше бы подумал о том, что наш мальчик ходит, как последний бродяга, и позорит семью.

— Тогда пойдем и купим ему хорошие брюки, — заключил папа. — Если я не имел в свое время возможности наряжаться, то пусть хотя бы мой сын оденется как следует!

Папа надел светлый пиджак и самую лучшую кепку, а мама — новое платье в горошек, и мы пошли в магазин к дяде Самсону.

Дядя Самсон скучал за прилавком, потому что никто ничего не покупал в такой день, а кругом на полках горами лежали всякие товары, и с потолка свешивались клейкие ленты для мух.

— А, Вано, и Мария, и Датико! — обрадовался продавец. — Рад вас видеть. Как поживаете?

— Спасибо, не жалуемся, — сказал папа, отгоняя мух, которые не обращали внимания на ленты. — Мы к тебе по делу пришли.

— По какому, Вано?

— Я тут с женой посоветовался и решил купить Датико новые брюки. Если уж нам в свое время не пришлось пощеголять в модных нарядах, так пусть хотя бы он оденется по-человечески. Какие у тебя есть штаны, Самсон?

Продавец снял кепку, почесал мизинцем лысину, потом снова надел кепку и сказал:

— Все это очень сложно, Вано. Во-первых, мне нужно знать, какого цвета штаны вы хотите?

— Мы хотим темные, — сказала мама.

Папа отмахнулся от нее, как от мухи, и произнес:

— Не слушай, Самсон, мы хотим светлые, почти белые. Тогда уж и я вставил:

— А я хочу серые, дядя Самсон.

Мама с папой на меня набросились и стали кричать, что если у меня на одном месте написано слово «Техас», то со мной вообще никто не советуется.

— Хорошо, — сказал наконец дядя Самсон. — Теперь скажите, какой фасон вам нужен?

— Пошире, — ответила мама.

— Поуже, — ответил папа.

— А я хочу клеш, — добавил я, и родители зло посмотрели в мою сторону.

— Замечательно, — отозвался на это продавец. — Если я вас правильно понял, вам нужны не очень светлые и не очень темные, не очень узкие и не очень широкие штаны среднего размера. И вот что я вам скажу, дорогие: таких штанов у меня нет.

Папа разозлился, сплюнул на пол папиросу «Казбек» и проговорил:

— Ты что, Самсон, плешивая твоя башка, издеваешься, да? Если у тебя нет ни одних приличных брюк, зачем ты задаешь свои дурацкие вопросы?!

— Подожди, Вано, не кипятись, — примирительно ответил дядя Самсон. — Разве я сказал, что у меня вовсе нет брюк? У меня есть одни замечательные брюки, но боюсь, что они вам не подойдут,

— Почему?

— У них один недостаток.

— Какой? — спросила мама.

— Они женские, — вздохнул дядя Самсон. Мы все втроем переглянулись, и папа сказал:

— Слушай, Самсон, а какая разница между мужскими и женскими штанами?

На это продавец ничего не ответил, он только мелко задрожал и повалился животом на прилавок. Тогда мы все втроем снова переглянулись и поняли, что он смеется.

— Перестань, Самсон, — сказал папа тем голосом, которым он грозился зарезать свинью дедушки Георгия. — Я тебя серьезно спрашиваю: какая между ними разница?

Дядя Самсон встал с прилавка, вытер слезы и ответил:

— Одна маленькая разница: у них спереди нет прорехи. Тогда мама всплеснула руками и сказала:

— Вах! И тебе не стыдно, Самсон, говорить такие вещи при женщине и ребенке?

— Подожди, Мария, — снова отмахнулся от нее папа. — Во-первых, Датико уже не ребенок. А во-вторых, можно подумать, будто ты никогда не знала, что такое мужские штаны. Слушай, Самсон, а так ли это важно, чтобы у Датико спереди брюки были на пуговицах? Нельзя ли ему без этого как-нибудь обойтись?

— Не знаю, Вано, — серьезно ответил дядя Самсон, — не стану давать тебе советы. Лучше пусть твой сын примерит эти брюки, а ты сам решай, достойны они фамилии Леванидзе или нет.

— Хорошо, — согласился папа, а дядя Самсон стал копать пѣд прилавком и наконец вытащил оттуда что-то красное.

Тут я понял, что они в самом деле хотят купить мне женские брюки, и заорал:

— Скорее свинья дедушки Георгия будет мычать, как корова, чем я надену эти штаны!

— Что-о? — тихим шепотом спросил папа. — Я что-то плохо расслышал. Повтори, пожалуйста, сыночек, еще раз, чтобы я понял как следует.

— Датико, мальчик, — сказала мама, — не огорчай отца.

— Но ведь они женские!!!

— Ну и пусть! — вскинулся папа. — Ты сначала научись уважать старших, а потом уже проси, чтобы на твоих штанах сделали прореху. Примеряй, тебе говорят, или я не знаю, что сделаю!

А поскольку папа мог сделать все что угодно, мне пришлось снять свои джинсы со словом «Техас» на одном месте и натянуть красные брюки. Они были узки у меня в поясе и еле доходили до щиколоток.

— Ну, как? — спросил папа, разглядывая меня со всех сторон. — Тебе нравится, Мария?

— Они лучше, чем старые, — уклончиво отозвалась мама. — Но, по-моему, слишком яркие. Ведь все быки будут гоняться за нашим Датико, когда он пойдет по деревне.

— Да, — согласился папа, — на этот раз ты права. Извини, Самсон, но они нам и в самом деле не подходят. Нет ли у тебя других каких-нибудь брюк?

— Прямо не знаю, — задумался дядя Самсон. — Есть у меня, правда, еще одни брюки, но они уж точно вам не понравятся.

— Они снова без прорехи? — спросил папа.

— Нет, Ваню, в этих штанах все правильно.

— Так в чем же дело, Самсон?

— Они продаются в комплекте.

— В комплекте? — спросила мама. — С чем?

— С пиджаком.

— Так, значит, это целый костюм? Слушай, Самсон, мы хотим купить Датико штаны. Понимаешь? Одни штаны, без пиджака!

— А ты что думаешь, — вышел из себя продавец, — я сам их шью? Одни штаны он хочет! Сегодня одни штаны, завтра один пиджак, а послезавтра один ботинок вместо двух!

— А хоть бы и так! Ты должен удовлетворять мой спрос!

— Смотри, какой умный! — зло засмеялся дядя Самсон. — Недаром говорит старый Георгий: пусть Ваню Леванидзе и скромненький, но зато он глуп, как поленьо!

— Так-так, — позеленел папа, — сегодня мы будем кушать свиные купаты. Приходи, Самсон, не пожалеешь.

— Разве у тебя есть свинья, Ваню?

— Нет, но свинья есть у старого Георгия. Я ее зарежу.

— Не надо, — сказал дядя Самсон. — Лучше купи сыну целый костюм, и пойдем спрыснем его моим молодым вином!

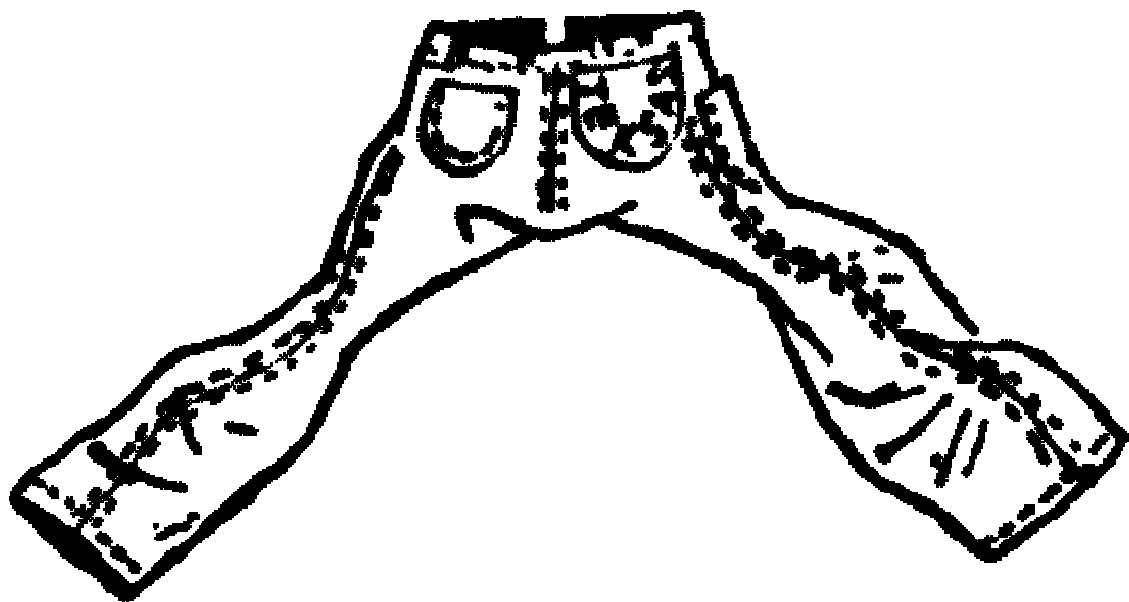
И тогда папа неторопливо закурил новую папиросу «Казбек», отсчитал деньги, мама взяла костюм, и мы пошли к дяде Самсону домой.

А назавтра я сказал:

— Мама, дай мне новые брюки, я пойду играть в футбол.

— Вах! — всплеснула руками мама. — Датико, мальчик, что ты говоришь? Не успел отец купить тебе выходные штаны, а ты уже хочешь извозить их в пыли, играя в ненормальный футбол? Лучше ходи, в чем ходил!

И тогда я надел свои замечательные джинсы со словом «Техас» на одном месте и побежал к ребятам.

Фельетоны

ФЕЛЬЕТОНЫ

ОРЕШКИ В САХАРЕ

Детектива не будет.

Не будет заковыристого сюжета, эффектной поножовщины и обезглавленных трупов. Рецидивист-эпилептик не будет косить обыкновенных граждан из станкового пулемета. Инспектор уголовного розыска, этот гений дедуктивной мысли и титан интуиции, не будет гнаться за преступником на подводной лодке. Увы, читатель! Тебе этого не дожждаться.

Да, правонарушение совершилось. И виновные попытались скрыться, но им это не

удалось. И на место преступления выезжал следователь, который нашел оторванную пуговицу и приобщи́л к делу в качестве улики. Однако развлекательного детектива не будет. Все намного серьезнее.

...На дворе стоял февраль двадцатого века.

С утра Антон протирал брюки в школе. На математике таблицы Бадиса листал, на литературе нравственной чистотой Наташи Ростовской восхищался, на истории моральный кодекс строителей коммунизма штудировал. Короче, выполнял государственную программу в меру способностей и ничем от своих друзей-девятиклассников не отличался.

Отличие началось позже. В то время как одни потащились в кино, другие на стадион, третьи принялись за уроки, Антон потопал на пищекомбинат. Когда его потом спросили: «Зачем?» — он просто и без выкрутасов ответил: «За орешками в сахаре». Нет, конечно, баловаться орешками никому не запрещено, особенно если тебе шестнадцать. Но обычно люди покупают их в магазине. Так уж повелось. Но о таком способе приобретения сладостей Антон как-то запомнил. Потому что на пищекомбинате у него работал свой человек.

Своим человеком был Жигайлов. В школе он никогда не был ни отличником, ни хорошистом. На учителей плевал, на общественность тоже. И поэтому день вручения ему свидетельства о восьмилетнем образовании вылился для всего педагогического коллектива в светлый праздник. Выйдя из школы на прямую жизненную дорогу, Жигайлов поставил задачей как можно скорее с нее свернуть. Его не пускали. И журили (производственный коллектив) и грозили (отделение милиции). Дескать, такой молодой, 17 лет, а уже пьяница, и похулиганить не дурак, и даже угон автотранспорта совершил. Покаянно кивал на это Жигайлов, клялся положить конец пакостям, в светлом порыве даже заявление в комсомол написал. Только рассмотреть это заявление уже не успели...

Итак, Антон пришел на пищекомбинат. Там он встретил своего одноклассника Петьку, который тоже после праведных школьных трудов искал истину в козинаках, косхалве или, на худой конец, в мармеладе.

Свой человек Жигайлов оказался уже крепко поддавши. Он встретил друзей на широкую ногу — отвалил мятую трешку и послал сбегать в палатку за выпивкой. Потом они выпили. Потом Жигайлов украл из цеха пакет с долгожданными орешками и преподнес девятиклассникам. Девятиклассники, боясь караульного на проходной, сиганули через забор. А свой человек Жигайлов вышел с территории свободно.

Так было совершено первое преступление.

На улице они встретились.

— Куда двинем, отцы? — поинтересовался Петька, лакомясь сладостями.

— А все одно! — глубокомысленно ответил Жигайлов. — Пшли вперед!

И они пошли вперед, к кладбищу. Возле которого из автобуса вышла девушка. Она поежилась от вечернего февральского мороза и уткнула подбородок в воротник пальто.

— Приколемся? — предложил Петька.

— Эт можно, — одобрил Жигайлов. Они загородили ей дорогу.

— Не скажет ли птичка, который час? — пьяно расплылся труженик пищевой промышленности.

— Не знаю. Пустите.

— А может, вам сумочку поднести, герцогиня?

— Я же сказала: пустите! — и она, обогнув трех друзей, быстро пошла по пустынному кладбищу вдоль бетонного забора.

Но не таков был Жигайлов, не привыкший, чтобы им пренебрегали. Злобно сплюнув, он устремился за девушкой и толкнул ее в снег. Девушка закричала. А Жигайлов начал срывать с нее одежду.

Петька с Антоном не стали сторонними наблюдателями. Оба девятиклассника прервали поглощение орешков в сахаре, побежали к Жигайлову и... начали ему помогать. И казалось, что на дворе стоял не двадцатый век, а каменный, примитивно-жестокий.

Но тут на тропинке показались прохожие, и три мужских сердца сжались от животного

страха.

— Атас! — закричали три искаженных от ужаса рта, и шестеро пяток замелькало в густеющих сумерках.

Жигайлов упал. Его схватили и доставили в милицию. Свой человек, ни минуты не сомневаясь, сообщил имена друзей.

Вот и все. Не бог весть какое дело из уголовной практики. И заковыристого сюжета нет, и виновные признались полностью, и обвинительная статья найдена справедливо. Только не укладывается это простое дело в наше сознание. Только поражаешься душевной черствости трех парней, мальчишек. Кто они? Акселераты? Дети, не отдающие отчета в собственных поступках?

— Я знал, что это преступление, — сказал на допросе Антон.

— И я знал, — сказал Петька.

— И все-таки помогали Жигайлову?

— Помогали, — ответили они. — По дружбе. Боялись его упреков.

Да, полуграмотный Жигайлов был отличным другом, в особенности Антону, который кончал музыкальную школу. Еще бы! Жигайлов пил, как лошадь, и ругался, словно извозчик. Казалось, этот сверхчеловек может все. Захотел выпить на территории комбината — и выпил. Захотел украсть сладости — и украл. Захотел оскорбить человека — и оскорбил. Вот это молодчик! И пацанам казалось, будто Жигайлов — это олицетворение свободы. Раскрепощение от родителей, школы, учебников и всяческих правил.

Суд вынес частное определение в адрес директора школы за слабую воспитательную работу. Но только ли директор, редко ставивший в свое время Жигайлова в угол и не сумевший охватить Антона хорovým кружком, а Петьку — вовлечь в выпуск стенной печати, виноват в том, что произошло?

Может быть, что-то устарело в ряде постулатов нашей педагогики, если школа и учебники кажутся скучными и однообразными, а жигайловы с их ложными установками становятся светом в окошке?

Докопаться до истины тут — ох, как сложно! Но докопаться необходимо.

ставивший в свое время Жигайлова в угол и не сумевший охватить Антона хорovým кружком, а Петьку — вовлечь в выпуск стенной печати, виноват в том, что произошло?

Может быть, что-то устарело в ряде постулатов нашей педагогики, если школа и учебники кажутся скучными и однообразными, а жигайловы с их ложными установками становятся светом в окошке?

Докопаться до истины тут — ох, как сложно! Но докопаться необходимо.

ГАСТРОЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Лето в городе может быть солнечным или дождливым. Летом в город могут пригнать эшелоны арбузов из Астрахани, а могут и не пригнать. Трудно определить заранее. И только одно можно сказать наверняка: лето в городе будет театрально-гастрольным. И от этого с

наступлением июньских дней большинство горожан забывает о пансионатах и санаториях на берегу Крыма, о пляжах или спортивных кортах. В глазах горожан возникает лихорадочный блеск. На душе появляется чувство дискомфорта. Горожане жаждут билетика. Одного. Лишнего...

Вообще неизвестно, где можно достать билеты на популярных артистов. Билетов нет. Оказывается, их продали еще год назад. Еще не было известно, куда популярные артисты поедут — в Макеевку или в Сочи, а наиболее дальнзоркие граждане уже начали составлять списки. Какой-то дядька с лицом недоучившегося аспиранта загодя организовал очередь, поставив себя и своих родных в первой десятке. Люди приезжали к нему отмечаться через каждые четыре часа. Даже ночью. Тех, у кого пропадали силы, вычеркивали с вожделием хищника. Потом появилась доселе неизвестная женщина, по облику и по манерам — председатель родительского комитета, рявкнула: «Вас тут вообще не стояло!» — и без спроса составила новый список, вышвырнув из него аспиранта с его родными. Так проходила эта невидимая миру война — за счастье получить откидное место в пятом ряду балкона третьего яруса.

Приличные билеты до простых зрителей не дошли вовсе. Их распределили между учреждениями, ведомствами и знакомыми театральных кассиров. Получить кресло в партере стало таким же престижным делом, как приобрести японский автоматический зонтик или пластинку ансамбля «Абба». Поэтому единственный способ прорваться на популярные гастролы — это стрелнуть лишний билетик.

Стреляльщики — тысячи. Они готовятся к боевым действиям, как хороший полководец — к генеральному сражению. Они занимают ближние и дальние подступы к театру или к концертному залу, а также все станции метро в радиусе четырех километров. Стреляльщика можно определить сразу. У него осунувшееся лицо и взволнованные глаза. Такие глаза и лица бывают еще у людей, которые возле родильного дома обеспокоенно ждут, когда их генеалогическое древо прорастет на одну веточку. Среди плотных рядов стреляльщиков подавляющее большинство составляют девушки-театралки. Они отчаялись найти себе спутника жизни и направили бурный поток своих страстей по театрально-концертному руслу. «Дайте, дайте билетик!» — молят они все и хватают каждого встречного за рукав, лацкан пиджака или за пуговицу. Но встречные неприступны. Они шествуют с каменными лицами и говорят: «Нет!» Это огромное удовольствие — взять и кому-нибудь в чем-нибудь отказать.

У дверей театра или концертного зала, где выступают популярные гастролеры, наряд милиции. Милиция сдерживает стреляльщиков, которые поняли, что законным путем на, зрелище не попасть. И пытаются сделать это незаконно. Билет поэтому приходится предъявлять дважды: один раз — вспотевшему сержанту милиции, а второй — профессиональному капельдинеру. Но это не помогает. В зале все равно оказывается в три раза больше народа, чем запланировано. Люди без мест устраиваются в проходах, на ступеньках, в нишах и за колоннами. Некоторые приносят из фойе стулья, и театр начинает напоминать просмотр любительских слайдов на именинах у тети Сони. Люди с местами этим обстоятельством недовольны, шугают контрамарочников и безбилетников отовсюду, говоря, что те загораживают им самую главную часть сцены. Контрамарочники и безбилетники ворчат, но подчиняются: закон сейчас не на их стороне.

Но вот гаснет свет, и оказывается, что людей без мест шугали напрасно: теперь они столпились одной кучей, и вообще ничего не видно. В темноте начинаются какие-то неясные перемещения и бесконечные перебранки. За этим проходит около половины первого отделения, и зрители, взволнованные перераспределением мест, никак не могут понять, что же все-таки происходит на сцене.

Многие залы у нас, особенно довоенной постройки, вообще сконструированы очень хитро. Когда их строили, то решали одну задачу: как на минимуме площади разместить максимум кресел. И при этом никто не думал, что человек платит от двух до пяти рублей не только за право найти стул под соответствующим номером и хорошенько на нем выспаться.

Выспаться человек может и дома. Причем, бесплатно. Никто не думал, что в театре с любого места должно быть хоть что-нибудь видно и что-нибудь слышно. Иначе все действие превратится либо в немой кинематограф, либо в радиопередачу «Театр у микрофона». Люди вытягивают или втягивают шеи, ерзают вправо и влево, приседают, встают, приставляют к уху ладони и мысленно хотят только одного: найти архитектора, который подобное создал, и посадить его на свое место.

Во время антракта театр превращается в привокзальный буфет накануне отхода поезда. Все бегут, толкаются и вырывают друг у друга изо рта бутерброды. Создается порой впечатление, будто зрители отдали за билеты последние деньги и постились перед концертом по крайней мере пятеро суток. Столиков не хватает. Люди заглатывают булочки и пирожные на весу, в суতোлке, проливая ситро на костюм соседа. Посреди этого пиршества дребезжит звонок, и ненакормленная половина буфета начинает реветь от бешенства. Многие так и остаются здесь, предпочтя закуску продолжению зрелища.

На втором действии в зале душно. Мужчины стаскивают пиджаки, а дамы обмахиваются программками. У тех и у других лица становятся мокрыми. Но не от слез, а от пота. Очевидно, поэтому, когда действие подходит к концу, зал взрывается шквалом аплодисментов. Бедные, доверчивые артисты! Они уверены, что рукоплескания и цветы предназначены их таланту. Увы! К радости благодарных зрителей примешивается также мысль, что их мучения наконец завершились. И что теперь можно спокойно идти домой, а завтра хвалиться перед знакомыми: «Нам удалось посмотреть гастролеров таких-то!» — скромно умалчивая, какой ценой им это досталось.

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

Он был красив, как бог Аполлон после финской бани. Его волосы цвета батона за 28 копеек курчавились на высоком лбу. Лоб он время от времени остужал холодным оконным стеклом. Он мучился. Он терзался душой. Он курил сигарету за сигаретой. Дым обволакивал его стройную, как у манекена, фигуру. Дым валил из его тонких ноздрей и из-за ровного ряда зубов, которые он три раза в день чистил пастой «Поморин». Он купался в дыму, он растворялся в нем, и было понятно без слов, что любимая его бросила, что она не поняла его тонкого внутреннего содержания и что теперь он, пустив на ветер целый блок сигарет «Ява», добьется в жизни таких недостижимых высот, какие ей даже не снились. А может быть, все еще кончится хорошо и не нужно будет достигать высот, потому что неблагодарная вовремя одумается, постучит к нему в дверь, и они, взявшись за руки, побегут между стройных березок или по берегу моря.

Но пока он остужает лоб стеклом и курит. И мы ему сочувствуем. И мы давно знаем, что если театро-, кино- или телеперсонаж берет в рот папиросу, то это неспроста. Это значит: наступил переломный момент, когда режиссер хочет показать, что его герой может еще и думать. По большому счету. Что теплится в нем где-то интеллектуальная жилка, которую он

умеет никому не показывать. Что, кроме того, как целоваться посреди улицы, обсыпать любимую снегом или осенними листьями и чинить ей случайно сломанные каблуки, герой способен еще кое на что. На что конкретно, никто не знает. Ни сценарист, который об этом умолчал. Ни режиссер, который сигаретой стремится дотянуть сценарий до совершенства. Ни тем более артист, который делает бесплодные попытки сыграть психологическое самокопание. А мы, зрители, разгадываем все это сквозь густую завесу табачного дыма.

Но курят не только лирические герои. Курят и остальные. Каждый старается с выдыхаемым дымом передать свой непростой, волнующий духовный мир.

Вот он — могучий, нестигаемый мужчина, не самой первой молодости и с огромным жизненным опытом, — директор фабрики, начальник главка, председатель колхоза. И у него, несмотря на очень правильную позицию, тоже бывают минуты отчаяния. Душевного кризиса. Стресса. Когда уходит жена. Хулиганит сын. Не вытанцовывается годовой план. У Шекспира действующие лица в таких местах рыдали, рвали на себе волосы, травились ядом, фехтовали. Современный герой внешне спокоен. На его волевом лице не дрогнет ни один мускул. Выражать эмоции жестах он не будет. Он сильной рукой достанет пачку «Беломорканала», разомнет в сердцах папиросину, продует, закурит и затаится так глубоко, что даже в зрительном зале начнут кашлять. И все. И мы уже понимаем, что не испугается он трудностей. Новую жену найдет. Сына в ГПТУ устроит. И план даст. Только так.

А в какое сизое марево погружаемся мы, зрители, устроившись перед экраном телевизора, чтобы посмотреть несколько серий детективного фильма! Здесь изображаются поголовно курящие люди. Во-первых, следователь. Наш человек. Чуть что, он сразу берет сигарету в зубы и начинает дымить. Уже пепельницы раскаляются и трескаются от окурков, а он все думает. Улики выискивает. Чтобы накрыть жулика одним махом. А жулик (бандит, шпион) курит совсем по-другому. Пока он на воле, то дым пускает элегантно и непринужденно, порой даже колечками. В ресторане, под сомнительную музыку, угощает своими заграничными «Кентами» красивых, но нехороших женщин. Пользуется папиросницей с музыкой. Сорит табаком направо и налево. Но когда жулик (бандит, шпион) уже пойман или, во всяком случае, основательно влип, то манеры его резко меняются. Бегающими глазами стреляет он по сторонам и нервно пыхтит дешевеньким «бычком». Чувствует, короче, что его часы уже сочтены...

Мы не делали социологических опросов. Мы не бегали с микрофоном по улицам и не просили ответить: «Из-за чего вы начали курить — по примеру родителей, друзей, после посещения кино?» Мы не располагаем точными данными. Однако нам кажется, что, глядя на стандартно-блистательного героя, который красиво пускает дым в глаза публике, так и хочется схватить папиросу и зажигалку.

Только, пожалуйста, не обвиняйте нас в ханжестве. Мы не ратуем за полное запрещение сигарет на экранах. Мы только против штампов. Мы против навязших в зубах трафаретов, от которых уже мутит. Мутит, как школьника, который первый раз в жизни затянулся сигаретой.

ТОЛЬКО ДВЕ, ТОЛЬКО ДВЕ ЗИМЫ...

Два раза в год, после Первого мая и Седьмого ноября, когда торжества пролетают, словно поезд-экспресс мимо пригородной платформы, во многих домах страны начинаются тревожные хлопоты. Эти хлопоты начинаются с того, что юный отпрыск семейства, который только что снял и повесил в шкаф на вечные времена школьную форму и от радости отрастил на верхней губе усики, редкие, как заслуженная зубная щетка, достает из почтового ящика простую открытку. При виде этой открытки мама ахает и берется за сердце, а папа стискивает плечо своего наследника и с гордостью говорит:

— Ну, орел! Ну, богатырь! Ну, Суворов!

И вот уже пакуется старый рюкзак, и мама запихивает в него несметное количество пирожков и курятины, которой можно прокормить целую роту, а папа вручает сыну

испытанный солдатский ремень, прошедший с ним огонь, воду и медные трубы, и сын, в куртке и кепочке, постриженный под «нулек», перетянутый этим самым ремнем, весь из себя уже не гражданский, хотя еще не совсем военный, предстает перед родичами и говорит:

— Пора! Не грустите! Вот увидите: скоро будет мой «дембиль». Всего через каких-нибудь двадцать четыре месяца! Пустяки! — и он, затаив: «Только две, только две зимы...», строевым шагом уходит из отчего дома.

Два раза в год, весной и осенью, покидают отчие дома мальчишки. Они покидают отчие дома, чтобы превратить свою узкую голубиную грудь в грудь тяжелоатлета, а свои дряблые студенеобразные бицепсы в шарикоподшипниковые шары. Они покидают отчие дома патлатыми уличными парнями, а приходят обратно настоящими мужчинами. И усы у демобилизованных воинов по-гусарски торчат вверх, будто стрелки часов, показывающих десять минут одиннадцатого.

И перо фельетониста никогда не коснулось бы этой отличной, но отнюдь не сатирической темы, если бы... Если бы два раза в год, весной и осенью, не приходили из разных точек страны сигналы о случаях неумеренного пьянства. Проводы в армию в некоторых местах начинают напоминать по своей торжественности проводы в последний путь фараона Хеопса. С воздвижением не менее высоких пирамид из пустых бутылок. А это уже, согласитесь, тема для фельетона.

...В тот раз гуляли три дня. Пятницу, субботу и воскресенье. Стол, наподобие гамака, прогибался от обилия выпивки. Полдеревни Лисапедовки не вязала лыка. А та, что вязала, все равно покачивалась слегка. Знай наших! Знай Степана и Ангелину Прониных! Если бы всё вино, выпитое в эти праздники, слить в одну емкость, получился бы средних размеров бассейн, в котором призывник Анатолий Пронин мог бы с ходу сдать армейский норматив по плаванию.

В дом к хлебосольным Прониным тянулись целыми семьями. Стар и млад. Отцы и дети. Плясали и пели. Рассказывали анекдоты и целовались. И пили, пили, пили... Кто сколько хочет. В кого сколько влезет. Как говорится, от пуза.

В первый день, пятницу, Андрей Галочкин, 16-ти лет от роду, ученик 10-го класса, почти отличник и пример поведения для всей Лисапедовской средней школы, напился вдребезги. А что? Все пили, и он пил. Чем отличник здесь хуже двоечника? На гульбище все равны. Независимо от оценок в табеле...

Тут же закладывали за воротник и родители Галочкина — мать Патрякея и отец Емельян. Папа тоже быстренько отключился в каком-то темном углу, а мама хотя и была пьяна, но соображения не теряла и, возмев желание преподать подгулявшему сыну урок нравственности, отхлестала его по щекам при всех. Дескать, пей, да дело разумея, мальчик!

На второй день, в субботу, Андрей Галочкин в школу не пошел. Отходил от вчерашнего. Отдыхал. А мать Патрякея и отец Емельян снова гуляли у Прониных. И снова солидно поднакачались.

На третий день, в воскресенье, Андрей отдохнул и пошел на пьянку вместе с родителями, которые ни словом ни жестом его не остановили. Пусть приобщается. Не маленький ведь уже! И шестнадцатилетний взрослый снова выпил порядочно. По свидетельству одноклассников, почти пол-литра вина. А много ли для его организма надо?

Под руки Андрея проводили домой, положили в избе на пол. Уснул он и не проснулся...

И хотя потом приехала «Скорая», жизнь Андрею спасти не удалось...

Конечно, случай трагический и, безусловно, из ряда вон выходящий. И все-таки даже один такой случай — слишком дорогая цена за веселье!

Молодые солдаты-первогодки отменно живописуют друг другу свои проводы в армию. Однако вспоминаются в основном не напутственные слова ветеранов, а дядя Вася, который, перебрав лишку, кормил петуха, вышитого на гобелене, солеными огурцами. Скромных проводов почему-то стесняются. Дает себя знать понимание праздника как всеобщей пьянки.

Никто не спорит, в армию провожать надо торжественно. Пусть будет оркестр. И пусть

он играет: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди, солдат вернется, ты только жди!» И пусть красивые девушки дарят новобранцам от имени коллектива и от себя лично цветы и что-нибудь сувенирное. Пусть даже будет вскрыта в семейном кругу бутылка вина. Пусть.

Все дело заключается в чувстве меры. Чтобы от проводов оставались светлые воспоминания, а не милицейские протоколы.

Пародии

ПАРОДИИ

КИНОАФИША МЕСЯЦА

Заканчивается предыдущий месяц и, по установившейся доброй традиции, начинается следующий. Чем же порадует он наших взыскательных кинозрителей?

Во-первых, нам предстоит новая встреча с широкоформатным и вариозкранным талантом Андрея Ковбасюка. Ковбасюк и на этот раз не изменил тому течению, по которому он давно плывет в нашем кинематографе. Снова экранизация и снова классики. «СПАТЬ

ХОЧЕТСЯ » — так, вслед за Чеховым, назвал Андрей Федорович свою четырехсерийную ленту, где, помимо сценария и режиссуры, он выступает исполнителем всех мужских ролей. Мощным своим дарованием А. Ковбасюк вновь окунает нас в свинцовые мерзости дореволюционной России. Уныло звучит на протяжении всех четырех серий колыбельная песня главной героини (артистка Ирина Ковбасюк). «Спать, спать хочется!» — этот лейтмотив всего фильма передается от авторов к зрителям. Трагический, но жизнеутверждающий по своей сути финал заставляет нас, как всегда, задуматься.

«ЭНЕ, БЕНЕ, РАБА» — другая кинопремьера. В центре ее — группа трудных подростков, которые решают непростую проблему: продолжать ли катиться по скользкой дорожке мелких правонарушений или же выйти на большую дорогу профессионально-технического образования? Разумеется, в конце концов все останавливают свой выбор на большой дороге.

«ПОХИЩЕНИЕ ПОЛОТНА » — так озаглавили свою остросюжетную ленту кинематографисты со студии «Юго-восток-фильм». Действие происходит в начале 20-х годов, когда озверелый от своего исторического бессилия Амалат-бек сводит счеты с молодой республикой. Напав на обоз, Амалат-бек похищает полотно, которое везут в Бухару, чтобы одеть бедняков. Начинается жестокий поединок. В стан Амалат-бека проникает наш переодетый разведчик Шухрат, которому удастся одному перестрелять всю банду и вернуть материю обратно.

Труженикам села кинорежиссер Эраст Иванов посвятил свою новую работу — **«РЯБИНУШКА** ». Это незатейливая, но в целом непростая история молодой доярки Клаши Рябининой, которую за высокие надои односельчане прозвали Рябинушкой. Конечно, жизнь Клаши сложна. Она не только доит, но и сеет, и веет. Кроме того, у нее, как водится, трудная любовь к женатому, и не один раз, человеку, конфликтные взаимоотношения с отсталыми родителями. В минуту отчаяния Рябинушка решает даже покончить со своей жизнью — в деревне — и уехать в город. Но силы общественности вовремя ее останавливают. И на собрании колхозники единодушно избирают Рябинушу своим новым председателем. Роль Клаши интересно сыграла Рената Ольховска, которую Эраст Иванов специально для этого выписал из Польши и полгода обучал русскому языку.

Выйдут на наши экраны и зарубежные кинофильмы: «Воскрешение желтого брюнета» (Франция), «Одни только трупы» (Италия), «Гадание на крови» (Пакистан), «Легенда о каратэ» (Япония), «Не трогайте мое обнаженное плечо, сэр» (США), которые, однако, не представляют для нас особого художественного интереса.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

сценарий клубного вечера

ВЕДУЩАЯ (*беспрерывно улыбаясь*). Добрый вечер, славные наши труженицы, наши матери, сестры, дочери, тещи, бабушки и прабабушки! Вот и снова мы собрались с вами в нашем уютненьком женском клубе «Горожаночка». Сегодня нам предстоит нелегкий, но интересный разговор и, как всегда, на злободневную тему: «Зачем вы, девочки, красивых любите?». Слово — крупному специалисту в вопросе первой любви и девичьей гордости поэтессе Ирине Сапуновой.

САПУНОВА (*с подвывающими поэтическими интонациями*). Не так давно в составе творческой делегации мне посчастливилось побывать на строительстве седьмого трубопрокатного стана. И там у меня невольно родилась строчка: «Люблю не девичий я стан, а стан трубопрокатный...» Да, любовь к своей профессии, к своему рабочему месту — вот главное! Об этом я и пишу в своей новой книге «Гайки и спайки».

ВЕДУЩАЯ (*улыбаясь еще шире*). Большое спасибо! А сейчас мне хочется представить вам Пелагею и Федора Куприяновых, мать-героиню и отца-героя. Нет-нет, они вырастили не

восемь, не десять и даже не двенадцать детей. Они вырастили одного сына Василия — но чего им это стоило! Расскажите нам, Пелагея Гавриловна, об истории своей любви.

КУПРИЯНОВА. В народе говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Вот и у меня так. Мой Федор Прокофьевич далеко не красавец. Но зато мастер на все руки: шьет, малярит, кулинарничает, играет на саксофоне и выпиливает лобзиком. Недавно он выпилил двухэтажный дом с верандой, где мы сейчас и проживаем.

ВЕДУЩАЯ (*улыбаясь как только можно широко*). Как это прекрасно! А что скажет Маргарита Сергеевна Копейская-Шишкина? Она ведь имеет к сегодняшнему разговору самое непосредственное отношение: являясь врачом-косметологом, собственными руками, как говорится, творит красоту...

КОПЕЙСКАЯ-ШИШКИНА. Красота — вещь относительная. Нынче есть, завтра нет... Поэтому не советую женщинам, а также девушкам пользоваться всякими заграничными кремами, лосьонами и красителями. То ли дело наш отечественный крем «Царевна-Лягушка»! Он подойдет и для сухой и для жирной кожи. Кроме того, его можно с успехом использовать в качестве шампуня, зубной пасты, дезодоранта, стирального порошка и замазки.

ВЕДУЩАЯ (*улыбаясь так широко, что дальше некуда*). Однако ни один крем не создаст доброты, скромности, душевного такта. Недаром говорят: красота не главное — лишь бы человек был хороший!.. Вот именно такого хорошего человека мы пригласили сегодня к нам в клуб. Это старый наш добрый знакомый композитор Жан Амбросиевич Флигель. Как вы считаете, Жан Амбросиевич, кого должны любить наши девочки — красивых внешне или красивых внутренне?

ФЛИГЕЛЬ. Вначале я позволю себе сыграть и напеть все свои песни, чтобы гости клуба их вспомнили и хорошенько запомнили... (*Садится за рояль и очень долго напоминает*). Что же касается вашего вопроса, то отвечу кратко: не знаю. Пусть наши девочки любят тех, кто им больше нравится!

ВЕДУЩАЯ (*улыбаясь еще шире*). Как видите, мнения наших гостей разделились. А как считаете вы, славные наши труженицы, наши матери, сестры, дочери, тещи, бабушки и прабабушки? Подумайте! Мы поговорим об этом в следующий раз. До скорой увлекательной встречи, друзья!

ОТЕЛЬ «У ПОДВЫПИВШЕГО КРИМИНАЛИСТА»

Арк. Стругацкому и Бор. Стругацкому.

Я, криминалист, инспектор полиции Хлебски, изнемогая от блаженства, сидел в мягком кресле и дотягивал через соломинку вторую бочку подогретого портвейна. Голова была светла, как никогда, хотелось встать на первые попавшиеся лыжи и отмахать сто тысяч километров без остановки.

Наверху кто-то закашлял. Я медленно посмотрел туда и увидел небольшого человека с губами, сложенными куриной гузкой, разгуливавшего, как муха, по потолку. При этом он громко цыкал сломанным зубом.

— Перестань, — вяло сказал я, — это неприлично.

— Мне можно, — бодро ответил человечек, — я венерианец. И при этом заржал с такой силой, что мои волосы сбились на сторону.

— Выпьем? — спросил он, отсмеявшись, схватил со стойки бутылку бренди и сожрал ее вместе со стеклом.

Дверь открылась, и на пороге возникло странное существо неопределенного пола.

— Салют, Хлебски, — начало хамить оно. — Все пьешь, полицейская крыса?

«Ну, уж теперь ты от меня не уйдешь!» — подумал я и сорвал с носа существа черные очки. Это оказалась девушка.

— Ага, ты все-таки женского рода! — злорадно воскликнул я.

Но разоблаченная внезапно рванула свою «молнию», человечья оболочка упала, как некий скафандр, и передо мной оказался обычный сенбернар, который устало зевнул и улегся на пол.

«Сволочь», — подумал я, принимаясь за третью бочку портвейна.

Дверь снова открылась, и в комнату вполз человек. Один его глаз смотрел на меня, а другой повернулся на пол-оборота и разглядывал затылок с внутренней стороны. У человека не хватало ноги и пустая штанина была засунута за пазуху. От незнакомца распространялся разящий запах зимней свежести и карболки. Пришелец достал из воздуха сигарету и спички, закурил, потом тихо покачнулся и рухнул наземь, рассыпавшись на составные части.

Дверь уже почти не закрывалась. В комнату постоянно вламывались разные чудища и дегенераты, черти с волосатыми ушами, влетали плешивые птицы и Карлсоны с пропеллерами, отвратительные старухи проходили прямо сквозь стены. Они скакали вокруг меня, щекотали под мышками и лохматили волосы. Наконец я не выдержал. Вскочив с места, я бросился навстречу непрекращающейся лавине и стал продираться к двери. Нечеловеческими усилиями дотянулся до ручки, ворвался в соседнюю комнату и остановился.

Там сидели два брата и что-то писали. Из-под их пера возникали разнообразнейшие ведьмы, волшебники, вампиры и оборотни, лешие и прочая нечисть, устремляющаяся к выходу.

— Довольно!!! — заорал я и выхватил парабеллум с серебряными пулями, которыми стреляют в привидения.

При виде оружия братья испугались, один вскочил на плечи другому, и они выпрыгнули в окно. Я подбежал к подоконнику и неотрывно смотрел, как братья неслись семимильными шагами по бескрайней снежной целине, хрустящей, как накрахмаленная рубашка.

— Куда вы бежите? — крикнул я им вслед.

— В кинематограф... — еле слышно донеслось до меня.

ПАЛЬПАЦИЯ ДОКТОРА КОРОБКОВА

сценарий фильма о медиках

Светлый коридор Центрального научно-исследовательского института проблем облысения (или сокращённо — ЦНИИПО). На стене висит транспарант: «Каждому лысому — полноценную шевелюру!» По коридору снуют люди в белых халатах и озабоченных лицах. Санитарные машины подвозят партии больных, которые уже потеряли последнюю надежду хоть раз в жизни ещё попользоваться расчёской или гребешком...

Дверь ординаторской открывается. В коридор с гневно перекошенными глазами выходит молодой врач Коробков. Полы его халата развеваются. Вслед за Коробковым выбегает директор ЦНИИПО Тараканов. Его халат застёгнут на все пуговицы.

— Вы авантюрист! — кричит Тараканов вдогонку своему коллеге. — Приваривать волосы к голове при помощи лазера — это безумие! Только народная медицина — вот средство!

— Я докажу! — скрежещет всеми своими сорока пятью ослепительными зубами молодой учёный. Стремительно входит он в операционную и тут же припадает к экспериментальному лазеру. Медсестра Людочка вкатывает кресло с больным Онуфриенко. Он лыс, как пушечное ядро.

— Доктор, — слабо произносит Онуфриенко, — а жить-то буду?

— Мы сделаем всё возможное, — сурово отвечает Коробков. — Людочка — камфару, скальпель, зажим, катетер, бандаж и пучок волос...

Слышится выстрел лазерной пушки...

...Бледный, входит Коробков в собственную квартиру, рядовую квартиру простого врача: шесть комнат, две лоджии, три балкона, маленький бассейн с рыбками.

— Что случилось, Геннадий? — спрашивает красивая, во чуждая ему по духу жена-мещанка.

— Мы провалили эксперимент, — говорит Коробков и садится в пальто на край бассейна. — Через полчаса после операции у больного Онуфриенко вылезли все пересаженные волосы...

— Что же ты собираешься делать? — нервно закуривает жена.

— Я уеду. Уеду в глушь, стану простым врачом...

— Только без меня, — обрывает его супруга. — Я уйду к профессору Тарakanову...

...И вот уже бесконечной чередой тянутся служебные будни сельского врача Коробкова. Вместе с медсестрой Людочкой, которая и тут не покинула любимого шефа, он ездит в телегах по деревням, месит кирзовыми сапогами осеннюю грязь, мокнет под дождями, коченеет в морозы, питается скудно и редко. В этих экстремальных условиях матереют характеры Коробкова и Людочки, крепнет их взаимное чувство. По ночам, на квартире у доктора, они начинают заниматься медико-биологическими экспериментами: Людочка бреет подопытных мышей, а Коробков, сконструировав из соседского самовара лазерную пушку, приваривает им шерсть обратно. Только где же ключ к истине?

Неожиданно дерзкий экспериментатор встречает на базаре своего бывшего пациента Онуфриенко. Тот по-прежнему лыс, хотя и лечится народными средствами по системе профессора Тараканова. Правда, вместо того, чтобы мазать средствами голову, он принимает их внутрь.

Коробков предлагает Онуфриенко вторично подвергнуться воздействию лазерного луча. Онуфриенко с горя соглашается...

...Тревожная ночь — ночь после операции. Людочка и Коробков не спят, ходят из угла в угол. Полчаса, час, утро...

— Ну, как? — сдавленным голосом спрашивает молодой доктор.

Людочка осторожно разбинтовывает голову Онуфриенко и дёргает его за волосы.

— Держатся! — шепчет она. — Честное слово, держатся!.. Врач и медсестра кидаются друг другу в объятия....Триумфальное возвращение Коробкова в родной ЦНИИПО.

— Простите меня, Геннадий, — говорит растрогавшись Тараканов. — У меня было о вас предвзятое мнение...

— А у меня — о вас, — тонко улыбается Коробков и показывает все свои сорок пять ослепительных зубов. — Потому что если не употреблять внутрь ваши народные средства, моему лазеру — грош цена!

Учёные звонко смеются.

Не смеётся только бывшая жена Коробкова. В отчаянии она рвёт на себе волосы, и её привозят в ЦНИИПО. Однако Коробков и Тараканов отказываются от операции.

— Наши методы эффективны только для хороших людей, — веско отвечают они.

И ЗА РУКУ — ЦАП

«...я лежал с открытыми глазами под опущенными веками».
Виктория Токарева «Ехал грека».

Я стоял босиком на площадке и звонил наманикюренным ногтем в Кикину дверь. Кика не открывала. Звонок дребезжал и жаловался, как человек, которому оторвали ухо.

— Кто это? — спросил Кикин голос в замочную скважину.

— Это я, грека.

...Я... Ты... Он... Она... Ехал грека через реку, видит грека — и реке рак... Или рарака... Моя жизнь похожа на микроскоп, которым разбивали скорлупу грецких орехов...

Дверь открылась. На пороге стояла Кика и плакала. Кика принадлежала к тому типу женщин, которым идут глаза и губы. Без них Кика выглядела бы слишком вульгарно.

— Проходи, — зашептала она. — Тише, тише, а то он проснется!

— Кто? — спросил я, входя и вытирая ноги о чье-то пальто.

— Ячик.

— Какой еще Ячик?

— Яков. Петух. Он теперь живет в моей квартире вместо тебя. Я купила Ячика, чтобы сварить бульон. Но когда мне сказали, что грека уплыл вниз по реке, я поняла, что жизнь кончена. И оставила петуха в живых, — Кика снова заплакала.

— Не реви, — попросил я с нежностью. — Я вернулся. Мы свернем петуху шею, и все будет по-прежнему.

— Нет, — покачала головой Кика. — Я его люблю. А тебя нет. Я износила наши отношения, как пижаму.

В комнате закудахтал Ячик.

— Мне пора, — встревожилась Кика. — Надо переменить ему песок и задать пшена. Прощай, грека!

Я вышел на лестницу и сел на пол. Хотелось поднять веки и закрыть глаза...

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

многосерийная экранизация рассказа А. П. ЧЕХОВА

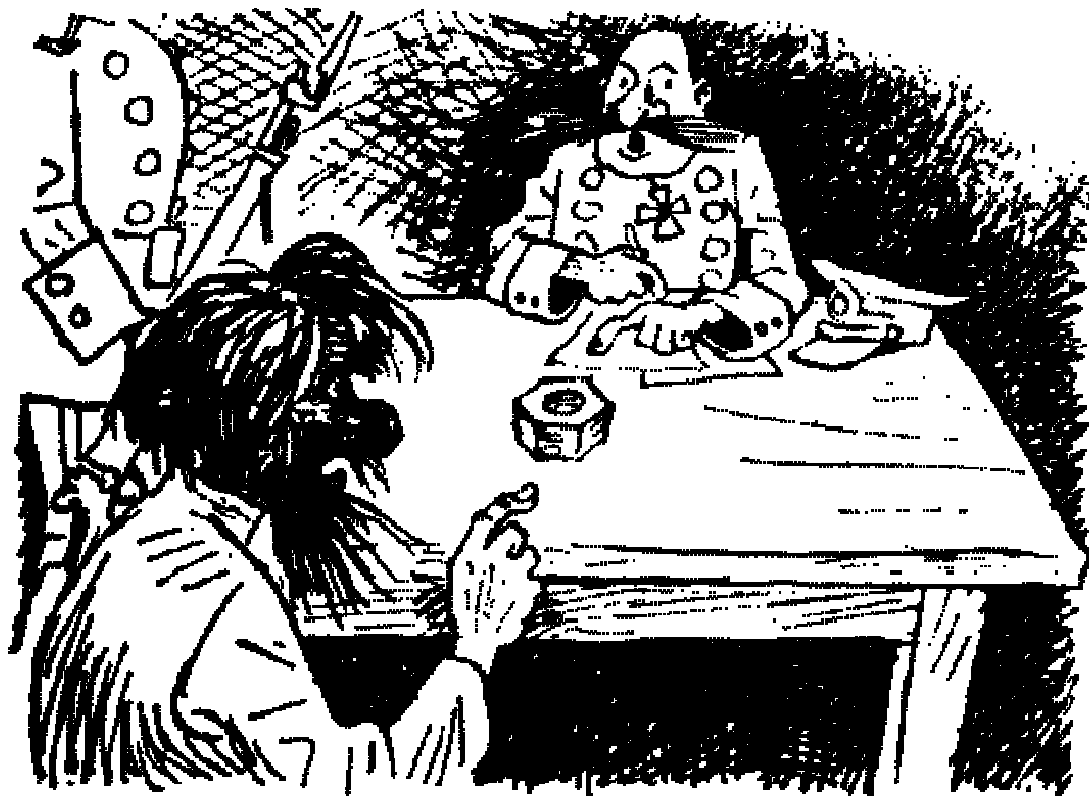
1-Я СЕРИЯ — «ДЕНИС»

Документальные фотографии: Петербург, вычурные здания, цепи на набережных. Много, очень много цепей (символ). Срывающийся голос за кадром: «1885 год... На престоле Александр III... Свиристуют городовые, чиновные и акцизные. Народ

безмолвствует...» Хмурое утро. Унылая и убогая деревенька. Желтые листья. Долго, очень долго кружат по ветру. Под опадающим деревом сидит крестьянин. Это Денис Григорьев. Аккомпанируя себе на рожке, он тихо поет песню протеста. Затемнение.

2-Я СЕРИЯ — «СТОРОЖ»

Унылый и убогий домик железнодорожного сторожа. Камера долго панорамирует по дешевому скарбу. Сторож за столом пьет чай вприкуску, внакладку, вприглядку и вприсядку. Плачет от духовной опустошенности. Жалуется на судьбу маленького человека при царском самодержавии. Затемнение.

3-Я СЕРИЯ — «ТИШКА»

Унылый и убогий двор Дениса Григорьева. Понуро ходят куры и гуси, мычит недоеная корова, тревожно бьет копытом лошадь. Денис Григорьев сидит на завалинке и строгает из бамбука удочку. Украдкой смахивает слезу. К нему подбегает босоногий вихрастый сын.

СЫН. Тять, а тять! Возьми меня на рыбалку!

ДЕНИС. Не будет сегодня рыбалки, Тиша. Грузил нету.

СЫН. А ты от рельсы гайку отверни...

Григорьев вздрагивает. Слышна набатная песня в исполнении хора Большого театра. Кто-то что-то кует. Затемнение.

4-Я СЕРИЯ — «ПОЕЗД»

Утопающий в роскоши столичный вокзал. Холенные до неприличия и раскормленные до безобразия бары. Женщины в соболях, бобрах, каракулях, норках и выдрах. Мужчины в том же. Слышны свистки городских и паровозов. Ото всего веет духами и Упадком. Удар колокола, поезд трогается. В вагоне происходит Моральное разложение: поют цыгане, льется шампанское, визжат продажные женщины. Колеса гремят на стыках, рельсы дрожат. Стоит только свинтить несколько гаек с путей, как все полетит в тартарары (символ). Затемнение.

5-я СЕРИЯ — «АЛЕВТИНА»

Унылая и убогая изба Дениса Григорьева. Вечер. Денис без аппетита хлебает пустые щи. Его жена Алевтина в одной крупнодекольтированной рубашке и подоткнутой юбке орудует у печи ухватами, поварешками и цепами. Денис утирает ладонью бороду и усы, встает.

АЛЕВТИНА. Ты куда, Даня?

ДЕНИС (отводя глаза). Надо...

АЛЕВТИНА. Ой, не ходи! Чует мое сердце недоброе...

ДЕНИС. Шибко нужда большая, Алюшка! (Убегает.)

Алевтина бессильно садится на лавку. Голосом Е. Шавриной поет страдания. Долго, очень долго поет. В глазах ее бабья тоска. Затемнение.

6-Я СЕРИЯ — «АРЕСТ»

Железнодорожный сторож крестится на икону. Икает и вздыхает. На плечо вешает берданку, за пояс затыкает топор, в карман кладет обрез. С фонарем выходит на улицу. В это же время Денис Григорьев ползет по насыпи. Вдалеке — огни идущего на всех парах поезда. Все трое сближаются. Денис начинает зубами отвинчивать гайку. Параллельный монтаж: сторож — поезд — гайка. Фонарь высвечивает Дениса. Сторож хватается крестьянина за воротник. Они борются. Катаются по путям. Сопят, стонут, попеременно бьют голову противника о рельсы. Паровоз уже совсем близко. В последний момент сторож и Григорьев скатываются под откос. Поезд проносится мимо. Из него долетают крики, пьяные песни, хохот. Оба противника тяжело дышат. Затемнение.

7-Я СЕРИЯ — «СЛЕДОВАТЕЛЬ»

Унылая и убогая комната. На подоконнике пустые штофы, полуштофы, «чекушки» и «мерзавчики». На стене портрет Александра III, на котором сидит таракан и шевелит усами (символ). Спящее лицо следователя. Он вздрагивает, просыпается, садится в постели. Чешет волосатую грудь. Долго, очень долго чешет. Трясет головой, мычит с перепоя. Он противен сам себе, как часть иерархической лестницы деспотизма. Но сделать ничего не может. В глазах его пессимизм. Затемнение.

8-Я СЕРИЯ — «УЛИЦА»

Унылая и убогая улица. Угол скобяной лавки с вывеской «Баклажановъ и сынъ». В витрине лемеха, отвалы и оралы.

Бородатый дворник в стеганых джинсах метет желтые листья. Собака лает. По улице идет опутанный судьбой следователь. Ему навстречу сторож ведет опутанного веревкой Дениса. Взгляды их скрещиваются. Затемнение.

9-Я СЕРИЯ — «ДОПРОС»

Унылая и убогая комната для допросов. Следователь кладет на стол гайку. Общий план гайки. Средний план гайки. Крупный план гайки. Гайка — во весь экран. На ней видны следы зубов Дениса Григорьева (символ).

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отвечай, для чего отвинчивал?

ДЕНИС. Известно для чего — мы из гаек грузила делаем.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто это «мы»?

ДЕНИС. Мы, мужики...

Наплыв. Заливной луг. Мужики косят траву. Вжикают косы. Много, очень много кос. Долго, очень долго вжикают. Крупно: потные рубахи, прилипшие к лопаткам. Песня. Простая, вольная, народная, музыка М. Таривердиева, слова Р. Рождественского. Быстрая речка. Солнечные блики на воде. Голые бабы купаются. Спины, шеи, руки рязанских мадонн (воспринимать как символ). Кони пьют из реки. Долго, очень долго пьют. Радостный Денис выуживает блестящего на солнце шилиппера. Тишка прыгает от счастья на берегу...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ты понимал, что могло произойти крушение поезда?

ДЕНИС (злобно). Нешто не понимал, господин хороший? Давить вас всех надо, гадов!

Бросается на следователя, душит. Душит основательно, по-крестьянски. Следователь по-мелкобуржуазному хрипит. Затемнение.

10-Я СЕРИЯ — «РАЗЛУКА»

Григорьева в кандалах везут в тюрьму. Телега, олицетворяющая карету прошлого, в которой далеко не уедешь, жалобно поскрипывает. Мимо не спеша проплывают скобяная лавка, дворник, собака. Бунт Григорьева оказался преждевременным.

Вдруг из-за поворота выбегает простоволосая Алевтина в простой юбке и простой

дублинке.

— Даня! — кричит она. — Что ты наделал, Даня?!

Гром. Ливень. Струи воды (символ). Денис в мокрой бороде, таких же усах и такой же рубахе. Он улыбается. По лицу Алевтины бегут дождевики и слезы. Мокрая одежда контурно прорисовывает ее формы. Алевтина отвечает мужу улыбкой. Супруги Григорьевы понимают: все еще у них будет хорошо! Гремит пром, шумит дождь. Это дождь очищения.

Конец.

Михаил Григорьевич КАЗОВСКИЙ **ЧУДО НА ПЕРЕНОСИЦЕ**

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 12.11.79 г. Подписано к печати 28.02.80 г. А 06538. Формат бумаги 70X1081/16 Бумага типографская № 2. Гарнитура «школьная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,78. Тираж 75 000. Изд. № 541. Заказ № 1558. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.

Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

